

Демографический потенциал крестьянского хозяйства Зауралья (на примере Баклановской волости Шадринского уезда конца XVIII века)^[1]

С. В. Голикова

Сельскохозяйственное производство в дореволюционной России было организовано на базе домохозяйства. Смысл крестьянского хозяйства заключался в поддержании и продолжении жизни «в самом буквальном значении слова». Являясь рабочим коллективом домохозяйства, семья одновременно воспроизводила для него рабочую силу. Таким образом, производственная функция крестьянского хозяйства и воспроизводственная функция крестьянской семьи выступали продолжением одна другой. Вопросы воспроизводства, количественные и качественные характеристики трудового потенциала крестьянского хозяйства определялись составом и размерами семьи. Семейные хозяйства были ограничены по числу и разнообразию работников. Демографические циклы эволюции семьи постоянно меняли состав едоков и работников в ней, следовательно, и соотношение между ними.

Западно-европейский «вариант» функционирования домохозяйства был нацелен на сохранение его фиксированного состава, посредством найма, ученичества и подобных им институтов привлекая рабочую силу извне или отдавая в другие хозяйства лишних работников. Развитие семьи в России во многом пошло по иному пути. Здесь демографическое развитие определяло остальные хозяйственные параметры, например размеры обрабатываемой земли (отсюда — постоянные переделы земельных фондов общины). Однако на демографический фактор функционирования и развития домохозяйства в конкретно-историческом контексте отечественные исследователи обращали мало внимания.

Одной из причин недостаточной изученности данной проблемы в «достатистический» период является отсутствие нужных источников. Документальные «хранилища», концентрирующие на протяжении достаточно длительного времени различную информацию о сельских жителях, встречаются при изучении XVIII в. достаточно редко. В связи с этим представляют особый интерес данные «архива» Баклановской волости Шадринского уезда, в котором отложились серии документов начиная с 1780-х гг. Эти источники хранятся в фондах Государственного архива г. Шадринска (ГАШ): Баклановского волостного правления и церкви в с. Баклановском.

Баклановская волость была расположена в Зауралье, на юго-востоке Шадринского уезда (недалеко от современного г. Челябинска) и населена государственными крестьянами. Центром волости являлось с. Баклановское (в 1786 г. насчитывавшее 200 дворов). Вокруг него располагались шесть деревень: Песчанская (81 двор), Барсукова (109 дворов), Жаравлева (150 дворов), Долгая (333 двора), Жарикова (195 дворов), Одина (121 двор). Всего в волости насчитывалось 1189 дворов. Ее территория входила в состав двух приходов: церкви в с. Баклановском и Сретенской церкви Окуневской слободы. До нас дошли сведения только Баклановского прихода, включавшего в себя большинство населения волости — с. Баклановское и деревни Барсукову, Жаравлеву, Долгую, Одину.

Для демографических реконструкций особое значение имеют материалы учета населения (исповедные ведомости, метрики), отложившиеся в приходском церковном фонде. Они совершенно не обработаны — листы дел не пронумерованы, части одного и того же документа могли находиться в разных единицах хранения, иногда даже среди дел фонда волости. Сплошной просмотр дел обоих фондов и установление целостности разрозненных фрагментов документов позволили оценить объем хранящейся в них информации. Имеются два полных списка населения прихода за 1789 и 1799 гг., а также сведения метрических книг о «родившихся, бракомсочетавшихся и умерших» за 1782, 1786, 1789–1794, 1796, 1799 гг. [ГАШ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 6–7, 408–417; Ф. 387. Оп. 1. Д. 7, 9].

В среднем за год (с 1789 по 1794 г.) в Баклановском приходе рождалось 70,6 младенца. Подобная рождаемость при численности населения, составлявшей к 1799 г. чуть более 2 тыс. человек, позволяла полностью обновить его менее чем за 30 лет. Однако естественный прирост населения оставался небольшим. Если в 1786 г. насчитывалось 910 душ мужского пола, то к концу века (в 1799 г.) число мужчин возросло до 971 человек. Незначительный естественный прирост объяснялся влиянием высокой смертности на темпы воспроизводства. Ежегодно (с 1789 по 1794 г.) умирало 57,4 человека. За этими усредненными данными скрывалась следующая картина. В обычный год, например 1793 г., рождалось 60 человек, а умирало 54. В благоприятный год, которым можно считать 1792, родились 84 человека, а умерло 41 человек. При катастрофических подъемах смертности (возможно из-за голода или эпидемий) в неблагоприятный год показатели естественного прироста могли принимать отрицательные значения. Например, в 1790 г. родилось

60 младенцев, а умерли 112 человек, т. е. почти в 2 раза больше. Такие колебания смертности при довольно стабильной рождаемости приводили к тому, что среднегодовой показатель превышения числа родившихся над числом умерших составлял чуть более 7 человек.

Наибольшая доля умерших приходилась на новорожденных. Количество смертных случаев среди детей было значительным до достижения ими 5-летнего возраста. В более старших возрастах значения данного показателя резко снижались. Удельный вес детской смертности в общем показателе не опускался ниже 42 %. В среднем он колебался от 55 до 60 %. В неблагоприятные годы, например в 1782 г., мог достигать 87 %.

Высокой детской смертности в условиях традиционного режима воспроизводства противостояли с помощью использования для деторождения всего физиологического репродуктивного периода жизни женщин. Жительницы Баклановской волости рожали часто и долгие годы сохраняли высокую плодовитость. Например, 43-летняя Мавра Селишина, уже имея двоих детей, продолжала почти каждый год производить на свет по ребенку (1791 г. — Наталья, 1792 г. — Устинья, 1793 г. — Андрей, 1794 г. — Матрена). Однако все эти дети умерли в младенческом возрасте. Безрезультатной осталась попытка Григория и Феклы Жаравлевых увеличить число детей в семье. В 1789 г. у их было две дочери. На следующий год одна из них, 2-летняя Пелагея, умерла, затем родилась София, которая умирает, не дожив до года. В 1792 г. родители дождалась сына, однако на следующий год мальчик умер. В 1794 г. у них появилась еще одна девочка, но и она умерла в 1796 г. В результате к 1799 г. в семье остался один ребенок. Почти каждый год рождались дети в семье Мавры и Лариона Обабковых. Их усилия иметь многодетную семью были успешнее. К 1789 г. в возрасте 39 лет Мавра уже имела шесть детей, а к 1799 г. — девять. Однако в этой семье детская смертность также оставила свой след. Появившаяся в 1789 г. дочка Федора не дожила до года.

Таким образом, «растянутый» (по сравнению с современным) период рождаемости позволял семьям Баклановской волости противостоять детской смертности и за счет детей наращивать свой размер, а следовательно, и трудовой потенциал. Взаимодействие рождаемости и детской смертности увеличивало продолжительность периода в жизни семьи необходимого для воспроизводства нового поколения. В этой связи вернемся к семье Обабковых. После смерти Лариона в 1796 г. 49-летняя Мавра осталась с детьми, самому младшему из которых было четыре года. Ко времени достижения им работоспособного возраста его матери будет уже за 60 лет. Практически вся жизнь родителей была отдана производству (рождению и воспитанию) потомства, а детская смертность часть этих усилий сводила на нет. По приблизительным подсчетам из рожденных в 1782 г. 116 детей к 1799 г., т. е. к достижению ими работоспособного и брачного возраста, дожило меньше половины — 53 человека (средний показатель по возрастам 16, 17 и 18 лет)

Сами крестьяне (за ними и исследователи) определяли трудовой потенциал двора, исходя из имеющихся в нем душ мужского пола. Такой подход верен лишь отчасти. Без взрослой работницы невозможно было полноценное существование крестьянского двора. Для его нормального функционирования нужен был баланс полов, предполагавший обязательное включение, наряду с мужской, женской рабочей силы. Ведение крестьянского хозяйства в районах Зауралья предполагало такой объем работ, для выполнения которого мужчины и женщины трудоспособного возраста было недостаточно. Этот «рабочий минимум» мог «выстоять» только при значительном напряжении сил. Более оптимальным вариантом было наличие в рамках семьи нескольких лиц (полу)работоспособного возраста в качестве помощников хозяину и хозяйке. Поэтому в крестьянской семье любого состава с пользой применялись трудовые возможности всех членов семьи. В рамках производственной деятельности семьи осуществлялось трудовое воспитание детей. Распределение хозяйственных функций между ее членами предполагало включение в работу подростков и стариков. Характеризуя трудовой потенциал домохозяйства, следует проанализировать половозрастной баланс трудовой силы в семье. Общее представление о нем дает распределение по полу и возрасту жителей Баклановского прихода на 1799 г. (табл. 1).

Таблица 1

Половозрастной состав населения Баклановского прихода, в 1799 г.

Возраст	Мужчины	Женщины	Всего
До 20 лет	434/44	421/41	855/42)
21–60	467/48	557/54	1024/51
После 60 лет	71/8	56/5	127/7

Примечание. В числителе указано количество человек, в знаменателе — %.

В семьях было много детей и молодежи и очень мало пожилых людей. Следовательно, нагрузка на трудоспособный возраст формировалась прежде всего за счет детей. Разница в численности мужчин и женщин менялась с возрастом. До 20 лет мальчиков было чуть больше, чем девочек. Затем на протяжении всего работоспособного возраста год за годом увеличивался разрыв между численностью женщин и мужчин в пользу первых. Лишь в последние годы жизни число мужчин превышало количество женщин.

Для достижения оптимального половозрастного баланса трудовых ресурсов семьи существовало несколько механизмов, из которых наиболее действенным оставалась брачность. Брачный союз требовал установления экономической основы для жизни супружеской пары и их детей, которая оказывалась

согласованной с типом брачности. В русской семье решение данной проблемы облегчалось тем, что вступление в брак сводилось к переходу женщины (реже мужчины) из одного домохозяйства в другое, а не к созданию собственного. Неолокального (отдельного) поселения молодых супругов не существовало. Ведущим был вирилокальный брак, то есть проживание молодой в семье ее мужа. По хозяйственным соображениям признавалась одна из разновидностей уксорилокального брака (проживание мужа у родителей его жены). Это яркий пример регуляции трудового потенциала двора с помощью брачности. Престарелые родители соглашались на такое проживание молодых супругов, когда в семье имела дочь на выданье, но не было мужчины трудоспособного возраста (сыновья либо не рождались, либо умерли в раннем детстве и родители уже не надеялись ими обзавестись). К 1799 г. в Баклановском приходе насчитывалось семь таких семей. Аналогичным образом поступали при наличии в семьях малолетних детей мужского пола, поскольку их родители, теряя работоспособность, не могли рассчитывать на быструю замену в лице собственных сыновей. У Демида Шубина был сын Ефим. Когда Демиду Шубину исполнилось 50 лет, его сын был еще малолетним, поэтому глава семейства принял в дом Василия Ларюшкина, женив его на своей старшей дочери. Потеряв в 1790 г. мужа, Наталья Овчинникова осталась с двумя детьми: 16-летней дочерью и 4-летним сыном. Чтобы заполучить в дом взрослого работника мужского пола, уже в следующем 1791 г. она выдала дочь замуж.

В семьях-«донорах» было несколько сыновей, достигших работоспособного возраста. Яркий тому пример семья Гостевских. Кирило Гостевский, женив старшего сына и оставив его при себе, обоих младших сыновей отдал в примачи. Молодые люди-сироты, женившись, также оставались в семье своего тестя.

При отсутствии неолокального поселения молодых супругов брачный возраст во многом зависел не от времени обзаведения собственным домохозяйством или передачи престарелым отцом детям мужского пола хозяйства и управления им (как это практиковалось в Западной Европе), а от баланса рабочей силы в семье. По отношению к детям, достигшим установленного законом брачного возраста, придерживались разной тактики. Сына стремились женить, чтобы заполучить в дом взрослую работницу. Дочь работоспособного возраста отдавать сразу не хотели, пытаясь на несколько лет отсрочить ее брак. Григорий Куликов женил своего старшего сына Василия в 16 лет на девице Дарье Лундиной 24 лет. Восемилетняя разница в возрасте жениха и невесты объяснялась недостатком в семье Куликовых женских рабочих рук и невозможностью в ближайшем будущем восполнить их резервами собственного домохозяйства. В семье подрастали три старших сына, а двум дочерям в момент женитьбы Василия не исполнилось и десяти лет. Если в семье наблюдался «переизбыток» женщин, то дочерей стремились выдать замуж достаточно рано. К 1789 г. Михаил Лундин имел двоих женатых сыновей и шесть дочерей, две из которых уже достигли брачного возраста. 22-летнюю Парасковью отец пока замуж не отдавал, а 16-летней Авдотье сыграли свадьбу. В таких случаях жених был, как правило, на несколько лет старше невесты. Мосею Игумнову, за которого вышла Авдотья, исполнился 21 год.

Зависимость брачного возраста от трудового баланса семьи приводила к более ранней женитьбе сыновей и к более позднему замужеству дочерей. Юноши начинали вступать в брак с 15–16 лет (даже с 14 лет) (табл. 2). Хотя своих наивысших показателей брачность мужчин достигала в возрасте после 20 лет. Наблюдалась единичные случаи замужества девушек 15 и 16 лет, хотя наибольшее число женщин выходили замуж в возрасте 20–23 лет. Следовательно, большинство молодежи становилась семейной в возрасте 18–23 лет.

Таблица 2

Брачный возраст жителей Баклановской волости в 1782–1799 гг.

Возраст вступления в брак, лет	Мужчины	Женщины
14	1	—
15	3	1
16	7	2
17	5	3
18	11	2
19	10	11
20	9	16
21	14	6
22	13	17
23	13	15
24	6	8
25	5	4
26	2	7
27	1	3
После 27	6	—

Усредненные данные получаются в результате наложения друг на друга двух, описанных выше, образцов брачности: наиболее часто встречающегося у жителей волости — когда муж моложе своей жены (чаще всего на 1–6 лет); и менее распространенного в границах Баклановского прихода, но считающегося эталонным для

дореволюционной России, когда муж старше жены (чаще всего на год или 5–6 лет) (табл. 3). Примакы всегда были старше своих жен.

Таблица 3

Разница в возрасте супругов, заключивших брак в Баклановской церкви в 1782–1799 гг.

Разница в годах	Муж старше	Жена старше
1	12	9
2	2	6
3	3	9
4	4	8
5	7	9
6	6	5
7	—	3
8	—	2
9	—	1
10	1	—
12	1	—
<i>Всего</i>	35	52

Термин «поголовная брачность», широко применяемый при характеристике браков в дореволюционной России, приложим лишь к мужскому населению Баклановского прихода. После достижения возраста 24 лет среди них оставались неженатыми лишь единицы. Незамужних женщин было больше, но в общем количестве населения прихода их доля была также очень незначительна.

Брачность осуществляла не только регуляцию, но и компенсацию трудовой силы семьи. В первую очередь это касается повторных браков, которые были тесно связаны с такими демографическими процессами, как смертность и овдовение. Прежде чем анализировать компенсаторские возможности повторных браков, охарактеризуем такие негативные, но неизбежные демографические явления, как смерть и вдовство взрослого населения.

Доля лиц, умерших в зрелом возрасте (от 20 до 60 лет), в населении была не самой значительной, составляя в различные годы от 6,8 до 34,5 %. Структура возрастной смертности в зависимости от пола имела свои отличия. Число смертных случаев у мужчин увеличивалось в 20, 40 и 60-е годы их жизни. Динамика смертности женщин была иной. В 20–30-е годы жизни ее подъем, с очень большой степенью вероятности может быть отнесен на счет материнской смертности — смертности от осложнений беременности, родов и послеродового периода. Затем, в 40-е годы жизни женщин число смертных случаев среди них сокращалось. Вымирало женское поколение в возрасте от 50 до 80 лет.

Повозрастная смертность показывает высокую степень вероятности потери спутника жизни в весьма молодом возрасте. Однако вдов и вдовцов среди молодежи было крайне мало (в списке 1799 г. — вдовец и пять вдов моложе 40 лет). Число овдовевших увеличивалось в более старших возрастах, достигая своего максимума в 60-е годы жизни людей. Коррекция влияния смертности на семейное положение людей оказывалась возможной благодаря распространению среди овдовевших в трудоспособном и репродуктивном возрасте повторных браков. В возрасте 28 лет Семен Полетухин, например, вступал уже в третий брак. Быстрое вступление в новый брак было обычным явлением как для мужчин, так и для женщин. В августе 1790 г. Григорий Кучин остался вдовцом с двумя детьми. В январе 1791 г. он оказался уже женатым. Анистья Тетюева и Герасим Сосновских в 1790 г. потеряли своих первых супругов. В феврале следующего 1791 г. они поженились. В семье Кучиных в 1791 г. умерли сразу две невестки. В 1792 г. молодые вдовцы почти одновременно женились снова. Из 189 свенчаных в Баклановской церкви браков 16 % или каждый шестой являлся повторным для одного или обоих супругов. Чаще всего вдовцы предпочитали искать себе пару среди людей такого же семейного состояния (в более половине случаев вдовец женился на вдове). Число браков между холостыми и вдовами, а также вдовцов с девицами было примерно равным.

Вступление в брак для вдовствующего человека во многом зависел от наличия или отсутствия детей. Бездетным вдовцам и, особенно, вдовам было легче вступить в повторный брак. У населения Баклановского прихода обычной была практика, когда «детные» вдовы продолжали жить в семьях своих мужей. Свекор или деверь могли не отдать вдове ее детей от первого брака, а решиться их оставить могла не каждая мать. Кроме того, обремененной детьми женщине найти партнера для нового брака было труднее, чем бездетной. Однако подобные случаи встречались. Например, Иван Башкирцов женился на вдове, имевшей сына от предыдущего брака.

Вступая в повторный брак, люди надеялись воспитать имеющихся у них детей и обзавестись новыми. Вдовец Федор Силин и вдова Федора Речкаловых в предыдущем браке были бездетными, после женитьбы у них родился сын. Нередко в результате брака вдовы и вдовца в составе семьи находились сводные и родные дети (от предыдущих браков отца, матери и их нового брака). В семье Герасима Сосновских жили три его родных сына от первого брака, пасынок и сын от второго брака.

Механизмом, регулирующим численность семьи и, следовательно, ее трудовой потенциал, являлся раздел. При жизни родителей полного раздела семьи, приводившего к отдельному проживанию всех супружеских пар, у русских не происходило. При отсутствии социального обеспечения в старости представлялось естественным возлагать заботу о престарелых родителях на их детей. Обычно с ними оставался один из женатых сыновей. Например, Илья Харитонов отделил двух старших сыновей Тимофея и Егора и остался с семьей самого младшего Гаврилы.

Чаще практиковали постепенный выдел сыновей из состава родительской семьи. Иван Лобанов к 1789 г. уже успел отделить двух старших сыновей, а двое младших с женами и детьми продолжали жить вместе с ним. Полный раздел совершался в братских семьях уже после смерти родителей. Так, братья Исак и Иван Башкирцовых жили уже отдельно друг от друга.

Причиной разделов принято считать перенаселенность двора, когда семья состояла из нескольких женатых сыновей, каждый из которых имел нескольких детей. Координировать такое хозяйство становилось все труднее, и многолюдность семьи из плюса хозяйственной жизни превращалась в минус. Стоит заметить, что эти правила срабатывали далеко не всегда. Так, Савин Вторушин проживал с четырьмя женатыми сыновьями, а общая численность его семьи достигала 27 человек, не считая подворника. Некоторые братья, потеряв родителей, также не спешили делиться. Например, семьи 42-летнего Кондрата Гагарина и его 32-летнего брата Герасима жили вместе.

Семья претерпевала постоянные изменения, во многом носящие циклический характер. Во второй половине XVIII в. жители волости имели следующие стадии жизненного цикла семьи (расчет по возрасту мужчин): с момента женитьбы и до 31–36 лет население проживало, как правило, в составе сложной семьи (т. е. семьи, в которой было более двух супружеских пар, в данном случае речь идет об отцовской сложной семье), с 32–37 до 50 лет люди жили в составе простой семьи, после этого возраста они жили снова в составе сложной семьи (с 70 лет она чаще всего становилась неполной, т. е. семьей вдовы или вдовца).

Чаще всего дом являлся жилищем одной семьи. Однако в некоторых хозяйствах проживали еще подворники. По данным 1799 г., в 228 хозяйствах с. Баклановского насчитывалось 28 таких дворов. Как правило, семьи подворников были простыми двухпоколенными (родители и их дети). В среднем населенность двора к 1799 г. составляла 9 человек (4,4 мужчины и 4,6 женщины). Многолюдных семей насчитывалось немного.

В состав семьи жителей Баклановской волости во второй половине XVIII в. входили люди, приходящиеся друг другу родственниками по мужской линии. В родительской семье жили женатые сыновья, а дочери уходили в семью мужа. В ней также оставались не вступившие в брак дети, которые после смерти своих родителей продолжали жить с родными братьями, а после их смерти — со снохами и племянниками. Осиротевшие дети также жили в семьях своего родного деда или дяди. Вдовцы, как правило, находились в составе своей родной семьи. Особенно строго придерживались запрета на включение в состав семьи родственников по женской линии. Престарелые тесть и теща чрезвычайно редко проживали в семье зятя. Менее строго относились к возврату овдовевших женщин в их родную семью. Вдовы с детьми и без них могли остаться в семье своего мужа, а могли вернуться к родителям. Аналогичным образом поступали солдатки. Примачество являлось временным исключением из правил. Мужчина проживал у родителей своей жены, но после их смерти формирование семьи вновь продолжалось по мужской линии, однако теперь не отца, а мужа замужней женщины. В семьях жителей волости явное преобладание имело прямое родство, боковое встречалось значительно реже. Как правило, в семье проживали представители трех поколений (функционирование семьи в составе одного-четырех поколений было непродолжительным по времени). Преобладали семьи, в которых с родителями проживал один женатый сын.

Форму русской крестьянской семьи и семьи жителей Баклановской волости, как ее инварианта, определяли, с одной стороны, — вековые традиции сложения русской семьи: формирование ее состава из родственников по мужской линии, воспитание и социализация детей в рамках родительской семьи, включение молодой супружеской пары в состав сложной семьи, проживания женатого сына с престарелыми родителями, а с другой — традиционный режим воспроизводства населения, задававший определенные параметры рождаемости и смертности. В этих условиях для регуляции половозрастного баланса домохозяйства населению были доступны следующие способы: ускорить или замедлить раздел, принять в дом зятя-примака, поторопиться с устройством брака детей или воздержаться от него.

Институт истории и археологии УрО РАН

Работа посвящена изучению вопросов воспроизводства, количественных и качественных характеристик трудового потенциала крестьянского хозяйства, состава и размеров домохозяйства на примере крестьянского населения Баклановской волости Шадринского уезда конца XVIII в. Для анализа использованы материалы учета населения (исповедные ведомости, метрики) фондов Государственного архива г. Шадринска (ГАШ): Баклановского волостного правления и церкви в с. Баклановском.

Форму русской крестьянской семьи и семьи жителей Баклановской волости, как ее инварианта, определяли с одной стороны вековые традиции сложения русской семьи: формирование ее состава из

родственников по мужской линии, воспитание и социализация детей в рамках родительской семьи, включение молодой супружеской пары в состав сложной семьи, проживания женатого сына с престарелыми родителями, а с другой - традиционный режим воспроизводства населения, задававший определенные параметры рождаемости и смертности. Высокой детской смертности в условиях традиционного режима воспроизводства противостояли с помощью использования для деторождения всего физиологического репродуктивного периода жизни женщин. Для достижения оптимального половозрастного баланса трудовых ресурсов семьи существовало несколько механизмов: ускорить или замедлить раздел, принять в дом зятя-примака, поторопиться или воздержаться с устройством брака детей.

---

[1] Работа выполнена по гранту РФФИ № 04-06-96059 «Смертность на Урале (XVIII — начало XX в.)».